

Виктор Громов

ИЗМЕНА

БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНА ДРАКОНА
СТАНЕТ НЕВЕСТОЙ ЕГО ВРАГА

Виктор Громов

**Измена. Беременная жена
дракона станет невестой его врага**

«Литнет»

2026

Громов В.

Измена. Беременная жена дракона станет невестой его врага /
В. Громов — «Литнет», 2026

В день подтверждения брачной клятвы мой муж, князь драконов Мортан Дайр, вывел к чаше другую женщину.— Она моя истинная. Слова прозвучали перед Советом, родом и всеми, кто три года ждал, когда меня наконец признают бесполезной женой. Меня хотели отправить прочь тихо и красиво. Без имени. Без прав. Без будущего. Но чаша клятв вспыхнула раньше, чем Совет успел закрыть огонь. Я беременна. Теперь муж, который только что отказался от меня, требует вернуть меня во дворец — уже не как жену, а как мать его наследника. Только я больше не верю его словам. И когда древний закон даёт мне право выбрать защитника, я выбираю того, кого Мортан ненавидит больше всех. Нокса Эррела. Врага моего мужа. Он опасен. Он скрывает свои цели. Он не обещает любви. Но он первый мужчина, который говорит:— Я не беру то, что женщина не отдаёт сама. Теперь за моего ребёнка будут бороться драконы, Совет и старые клятвы. А мне предстоит понять: враг мужа может стать моей свободой... или новым испытанием для сердца.

Содержание

Клятва, которую он растоптал	5
Ребёнок, которого не должно быть	17
Дом, где браки умирают	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Клятва, которую он растоптал

Яра Сольвейн поняла, что этот вечер станет не примирением, а казнью, когда Мортан Дайр поднял глаза от чаши и прошёл взглядом сквозь неё — холодно, будто законная жена уже была строкой в закрытом решении Совета. На помосте пахло раскалённым камнем и родовым огнём; за спиной шептались женщины малых домов, впереди старейшины держали лица, приготовленные не к празднику, а к приговору.

Он ещё ничего не сказал. Именно это было страшнее всего. Мортан умел молчать после тяжёлых советов, после ночей, когда возвращался в их крыло слишком поздно, после её острых вопросов о будущем. Но сейчас в его молчании не было усталости. Была законченность человека, который уже выбрал слова — и женщину, рядом с которой произнесёт их.

Яра стояла у правой ступени помоста, там, где полагалось стоять жене князя Дайра во время подтверждения брачной клятвы, и впервые за три года почувствовала себя не женой, а ошибкой, которую сейчас исправят публично. Она ещё не знала о ребёнке под сердцем. Не знала, что через несколько минут чужие руки попытаются назвать его наследником. Но тело уже жило впереди разума: ладонь сама легла к животу, будто защищала то, о чём память крови узнала раньше неё.

Три года брака научили Яру различать оттенки его молчания. Мортан мог быть холодным после совета, когда родовые дела требовали крови и решений. Мог быть рассеянным, когда в мыслях просчитывал шаги врагов. Мог быть чужим — чаще всего именно таким он и был с ней, женщиной, выбранной Советом, принятой родом и так и не ставшей по-настоящему нужной мужу.

Сегодня это молчание было законченным — так молчат не перед обещанием, а перед казнью, приговор которой уже написан.

Тонкие золотые нити на её тёмно-вишнёвом платье собирались у талии в знак супружеского огня, а на запястье мерцала брачная печать Дайров — красивая, тяжёлая, слишком похожая на украшение, пока не вспоминаешь, что украшения не умеют удерживать.

Весь день ей говорили это почти ласково.

Сегодня многое изменится, княгиня.

Сегодня князь наконец расставит всё по местам.

Сегодня род услышит то, чего ждал три года.

Она позволила себе поверить.

Не потому, что была наивной. Наивность умерла в ней давно — где-то между первым месяцем ожидания у закрытых дверей мужа и вторым годом, когда придворные дамы начали замолкать при её появлении, оставляя в воздухе только обрывки слов: пустая ветвь, холодная кровь, бесполезная жена. Яра поверила потому, что устала жить в браке, где её место было отмечено законом, но не сердцем. Устала просыпаться в комнатах, где всё напоминало о князе, кроме самого князя. Устала ждать разговора, который Мортан каждый раз откладывал своим ровным, безупречным голосом.

После церемонии, сказала она себе утром, он заговорит. После подтверждения клятвы всё станет иначе.

Теперь, глядя на его неподвижный профиль, Яра впервые подумала: возможно, иначе — не значит лучше.

— Княгиня.

Старейшина Аврел Рон, седой, сухой, с глазами цвета остывшего железа, слегка повернул к ней голову. Его пальцы лежали на краю главной чаши — той самой, в которой родовой огонь Дайров должен был откликнуться на брачную печать. Пламя в чаше было странно неподвиж-

ным. Не дрожало, не тянулось к ней, как бывало на малых обрядах. Просто стояло ровным золотым столбом, слишком правильным, почти неживым.

— Подойдите ближе, — произнёс старейшина.

Яра сделала шаг.

Камень под подошвами отозвался тихим звоном. Высокий зал Дайров всегда усиливал звуки: шорох ткани, металлическое дыхание украшений, едва слышные смешки за веерами. Сегодня каждый шаг Яры казался слишком громким, будто её вели не к клятве, а к середине круга, где всякий мог рассмотреть её страх.

Она не позволила себе оглянуться.

Позади стояли главы малых родов, посланники союзных земель, придворные, советники, дальние родственники Мортана, женщины в тяжёлых ожерельях и мужчины с перстнями, на которых вспыхивали родовые знаки. Среди них были и те, кто когда-то улыбался ей на свадьбе. Кто называл её прекрасной надеждой союза. Кто говорил, что кровь Сольвейнов смягчит мрачный огонь Дайров.

Теперь эти люди ждали, даст ли она наконец роду наследника.

Или признает своё поражение.

Яра остановилась у чаши и подняла подбородок.

— Я здесь, старейшина.

Собственный голос прозвучал спокойно. Почти. Лишь она сама почувствовала, как внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия.

Мортан стоял по другую сторону чаши. Высокий, темноволосый, с резкими скулами и глазами, в которых обычно пряталось пламя дракона, он казался высеченным из чёрного камня. Три года назад, в день их свадьбы, Яра боялась поднять на него взгляд слишком надолго: от его красоты становилось трудно дышать, от его власти — хотелось выпрямиться и не показывать слабости.

Сегодня дышать было трудно по другой причине.

— Мортан, — сказала она тихо, так, чтобы услышал только он. — Что происходит?

Его взгляд всё-таки коснулся её лица.

Ни тепла. Ни вины. Ни раздражения.

Только решение.

— Сейчас узнаешь.

Два слова. Ровные, как удар печати по воску.

Яра едва заметно сжала пальцы. Брачная печать на запястье отозвалась слабым жаром, и ей показалось, что пламя в чаше потемнело у основания. Старейшина Аврел заметил это. Его веки дрогнули, но он тут же отвёл глаза.

У боковой арки шевельнулась тень.

Яра увидела женщину.

Та стояла там, где не полагалось стоять никому во время главной части церемонии, — у прохода, ведущего к внутренним покоям Дайров. Сначала Яра различила только светлое платье, почти белое, с серебряными нитями на груди. Потом — тонкие пальцы, сложенные у пояса. Потом лицо: нежное, бледное, с мягкими губами и огромными глазами, в которых дрожала неробость, а ожидание своей минуты.

Сибилла Орн.

Яра знала её. Видела дважды на приёмах: дальняя воспитанница одной из родственных ветвей, слишком скромная, чтобы выделяться, слишком красивая, чтобы остаться незамеченной. Тогда Сибилла держалась в тени старших дам и говорила так тихо, что её почти не слышали.

Сейчас её слышать было и не нужно.

Её присутствие уже кричало.

Яра медленно перевела взгляд на мужа.

— Почему она здесь?

На этот раз Мортан ответил не сразу. Он посмотрел не на Яру, а на старейшин. Аврел Рон опустил ладонь на чашу, и золотое пламя резко вытянулось вверх, осветив своды зала. По стенам побежали тени драконьих крыльев — резные каменные фигуры предков словно ожили, раскрывая пасти в беззвучном рыке.

— Совет собран, — произнёс Аврел. — Родовой огонь призван. Князь Мортан Дайр, глава старшей линии, имеет право объявить волю крови и пламени.

Шёпот прошёл по залу, как тонкий нож по шёлку.

Яра стояла неподвижно. Только сердце билось слишком сильно, отдаваясь в горле.

Волю крови и пламени объявляли при рождении наследника. При отречении. При признании истинной связи.

И при расторжении брака, если родовой огонь считал союз мёртвым.

Мортан поднял руку.

Сибилла вышла из тени.

Её шаги были мягкими, почти неслышными, но Яра слышала каждый. В этом зале она вдруг слышала всё: как кто-то втянул воздух, как звякнул браслет на руке молодой леди, как старый лорд Дальм с усилием переставил трость, желая лучше видеть. Сибилла подошла к Мортану и остановилась рядом с ним — не слишком близко, будто стеснялась своего права, но достаточно близко, чтобы весь зал понял: её место там.

На месте Яры.

Мортан взял Сибиллу за руку.

На свадьбе он держал Ярину ладонь почти так же: твёрдо, уверенно, без нежности, но с обещанием, что теперь она под защитой его имени. Тогда ей казалось, что этого достаточно для начала. Сейчас тот же жест стал пощёчиной, нанесённой не рукой, а памятью.

Сибилла опустила ресницы, будто ей было неловко принимать чужое место, но пальцы её не дрогнули в руке Мортана. Эта неподвижность унизила Яру сильнее, чем улыбка. Соперница могла бы злорадствовать — и Яра возненавидела бы её проще. Но Сибилла стояла тихо, почти кротко, и именно эта кротость делала всё происходящее похожим на заранее одобренную церемонию, где боль законной жены считалась лишним шумом.

Яра почувствовала, как внутри что-то оборвалось, но лицо её осталось спокойным. Она даже не шагнула назад. Не дала залу этого удовольствия.

— Три года назад, — начал Мортан, и его голос легко заполнил зал, — мой брак с Ярой Сольвейн был заключён по воле Совета, ради мира между родами и укрепления старшей линии Дайр.

Он произнёс её имя так, будто оно было частью договора, не частью его жизни.

Яра смотрела на его пальцы, лежавшие поверх руки Сибиллы. Крупные, сильные пальцы. Эти же руки однажды, в первую ночь после свадьбы, осторожно сняли с её волос тяжёлую корону, когда шпильки запутались в прядях. Тогда он сказал всего одну фразу: “Не бойся меня”. И она, глупая, решила, что за холодом есть дверь.

Двери не было.

Была стена.

— Союз исполнил политическую задачу, — продолжил Мортан. — Но родовой огонь молчал. Наследник не был зачат, брачная печать не усилилась, и кровь Дайров не получила продолжения.

Сибилла чуть опустила глаза. Так скромно, что Яре почти захотелось рассмеяться.

Наследник не был зачат.

Как легко это прозвучало в его устах. Будто наследник был не ребёнком, не жизнью, не чудом, а недоставленным письмом, за которое виновата только она.

— Мортан, — сказала Яра.

Он не остановился.

— Сегодня родовой огонь признал истинную связь, которую больше нельзя скрывать.

Пламя в чаше резко вспыхнуло. В его свете лицо Сибиллы стало почти прозрачным, но глаза — слишком яркими, слишком жадными до того мгновения, которое принадлежало ей.

Мортан повернулся к залу.

— Сибилла Орн признана моей истинной.

Сначала наступила тишина.

Не пустая — полная. В ней было всё: восторг, ужас, ожидание скандала, злое удовольствие тех, кто давно хотел увидеть, как Яру снимут с высоты княжеского места и поставят туда, где, по их мнению, ей давно следовало быть.

Потом зал выдохнул.

Шёпот ударил в стены. Кто-то ахнул. Кто-то слишком быстро прикрыл рот веером. Один из молодых лордов отвёл глаза, будто ему стало стыдно, но его мать рядом улыбнулась краем губ.

Яра не смотрела на них.

Она смотрела на Мортана.

На мужчину, которому когда-то принесла клятву. На мужа, чьё имя носила три года. На дракона, рядом с которым научилась молчать так искусно, что теперь почти не могла кричать даже внутри.

— Истинная, — повторила она.

Слово получилось тихим, но в зале снова стало слышно её. Возможно, потому что все ждали её падения. Возможно, потому что в этом слове было слишком много льда.

Мортан впервые нахмурился.

— Да.

— И ты решил объявить это здесь? — Яра медленно обвела взглядом чашу, старейшин, гостей. — На церемонии подтверждения нашего брака?

Сибилла чуть пошевелилась. Её пальцы, всё ещё заключённые в ладони Мортана, дрогнули, но она не отступила.

— Княгиня, — мягко произнесла она. — Поверьте, я не хотела причинить вам боль.

Вот теперь в Яре что-то вспыхнуло.

Не наружу. Внутри. Ярко, болезненно, почти сладко от своей опасности.

Она повернулась к Сибилле и посмотрела на неё так внимательно, что та на мгновение забыла дышать.

— Тогда вам не следовало брать его за руку.

Сибилла побледнела, но не отпустила Мортана.

В зале кто-то тихо, восхищённо выдохнул. Яра не увидела кто. Не позволила себе искать союзников среди тех, кто пришёл смотреть на её унижение.

Мортан сжал руку Сибиллы чуть крепче.

— Яра.

В его голосе впервые прозвучало предупреждение.

Оно было почти родным. Так он говорил, когда она задавала вопросы, на которые, по его мнению, жене не следовало требовать ответа. Так он останавливал её за ужином, когда разговор касался Совета. Так он однажды произнёс её имя у дверей своих покоев, когда она пришла без приглашения и увидела на столе список женщин, подходящих роду Дайр для “усиления крови”.

Тогда она сделала вид, что не поняла.

Сегодня больше не могла.

— Нет, Мортан, — сказала Яра. — Не так. Не одним моим именем вместо ответа. Ты собрал Совет. Ты вывел её к чаше. Ты объявил её своей истинной перед всеми, кто три года

считал меня недостаточно хорошей для твоего рода. Теперь объясни перед ними же, кем я была всё это время.

Его лицо стало жёстче.

— Моей женой.

— Была?

Слово повисло между ними, и пламя в чаше странно дрогнуло, будто кто-то провёл по нему невидимым лезвием.

Старейшина Аврел вмешался прежде, чем Мортан ответил:

— Княгиня Яра, Совет понимает тяжесть этого вечера. Никто не намерен умалить ваше достоинство.

Шёпот по залу стал тоньше, злее. Яра медленно повернула голову к старейшине.

— Правда?

Аврел выдержал её взгляд. У него было лицо человека, который давно разучился стыдиться решений, если они выгодны роду.

— Ваш брак с князем Дайром был почётным союзом. Но истинная связь имеет древнейшее право. Род не может отвернуться от воли пламени.

— Зато может отвернуться от жены, — сказала Яра. — Это, видимо, проще.

Сибилла опустила ресницы.

— Мне жаль, — прошептала она.

Яра почти улыбнулась. Почти.

— Не тратьте жалость заранее. Вам она ещё понадобится.

На этот раз в зале ощутимо качнулось напряжение. У дальних колонн кто-то нервно рассмеялся и тут же умолк. Яра заметила, как один из старейшин повернул голову к Мортану, требуя, чтобы тот прекратил сцену.

Сцену.

Вот кем она стала: женщиной, которая портит красивое объявление чужого счастья.

Мортан отпустил руку Сибиллы и шагнул к Яре. Всего на один шаг, но пространство между ними сжалось. Он умел заполнять собой зал. Умел заставлять людей помнить, кто здесь дракон, а кто — только гости у его огня.

— Я хотел сделать это без лишней жестокости, — сказал он негромко.

Эти слова ударили сильнее, чем если бы он назвал её ненужной.

— Без жестокости? — Яра посмотрела ему прямо в глаза. — Ты привёл другую женщину к брачной чаше в день, когда я должна была услышать подтверждение своей клятвы. Как выглядел бы жестокий вариант?

Его зрачки на миг сузились вертикальными щелями. Дракон внутри Мортана проснулся — не полностью, лишь обозначил себя, как тень крыла за стеклом. Когда-то эта тень пугала Яру. Потом манила. Теперь она только напоминала, что власть без сердца всегда остаётся властью.

— Ты знала, что наш брак не стал тем, чего ждал род.

— Я знала, что мой муж перестал входить в мои покои.

Эта фраза вырвалась тише, чем следовало, но зал услышал. Конечно, услышал. Такие вещи залы вроде этого впитывали жаднее крови.

Мортан застыл.

Сибилла вскинула глаза, и впервые в них мелькнуло не торжество, а злость.

— Осторожнее, Яра, — произнёс Мортан.

— Я была осторожной три года.

— Именно поэтому я надеялся, что ты примешь решение достойно.

Она медленно вдохнула. Воздух пах горячим металлом, старым камнем и чужими духами. Ей казалось, если она вдохнёт глубже, то задохнётся от всего этого великолепия, в котором её унижение выглядело всего лишь частью обряда.

— Какое решение?

Мортан не отвёл взгляда.

— Совет подготовил для тебя почётный выход из рода. За тобой сохраняют титул вдовствующей линии без права на княжеское имя. Ты получишь дом у восточного озера, содержание и охрану. Никто не посмеет говорить о тебе дурно.

Яра слушала, и каждое слово складывалось в клетку.

Дом. Содержание. Охрана.

Не свобода.

Удаление.

Её не просто отпускали. Её прятали. Убирали с глаз, чтобы Сибилла могла войти во дворец без тени прежней жены за спиной. Чтобы Мортан мог назвать своё предательство волей пламени. Чтобы Совет мог написать в летописи: княгиня Яра приняла всё достойно.

— Как щедро, — сказала она. — Мне даже разрешат дышать по собственному желанию?

Лицо Аврела потемнело.

— Княгиня, вы забываетесь.

— Нет, старейшина. Сегодня я как раз вспоминаю. Например, что брачная клятва рода Дайр произносится двумя голосами. И если один голос решил, что второй ему больше не нужен, это ещё не значит, что клятва исчезла.

Пламя в чаше снова дрогнуло.

На этот раз Яра была уверена: не показалось.

Она почувствовала слабый жар под кожей запястья. Брачная печать, обычно почти спящая, налилась теплом. Не болью. Не огнём Мортана, который всегда казался ей чужим и слишком властным. Иным теплом — глубоким, скрытым, будто под землёй проснулась жила красного света.

Аврел заметил.

Старейшина так резко опустил ладонь на край чаши, что тяжёлое кольцо на его пальце звякнуло о металл.

— Достаточно, — сказал он. — Совет не намерен превращать родовой обряд в спор супругов. Княгиня Яра, вам будет дана возможность сохранить имя и уважение, если вы покинете зал до завершения признания истинной связи.

Сохранить уважение.

Яра посмотрела на гостей.

На тех, кто уже видел её выброшенной из брака.

На женщин, чьи глаза блестели от удовольствия и страха: сегодня падала она, завтра могла упасть любая из них, если родовой огонь вдруг оказался бы удобнее совести.

На мужчин, которые оценивали происходящее как перестановку фигур.

И вдруг заметила одного, кто не шептался.

Нокс Эррел стоял у левой колонны, где тени от драконьих крыльев ложились на серый камень. Он не носил золото Дайров; его тёмно-пепельный камзол был застёгнут у горла простой чёрной пряжкой, а на руке не блестели родовые перстни — только узкая полоса матового металла, похожая на обруч из застывшего дыма. Высокий, темноволосый, с лицом слишком спокойным для человека, присутствующего при чужом семейном крахе, он смотрел не на Сибиллу, не на Мортана и даже не совсем на Яру.

Он смотрел на её запястье.

Яра сама не знала, почему это заставило её напрячься сильнее.

Нокс поднял глаза.

Их взгляды встретились.

Всего на миг, но в этом миге не было жалости. Не было жадного любопытства. Не было мужского снисхождения к женщине, которую публично лишили места.

Было предупреждение.

Он что-то заметил. Что-то, чего не должен был видеть никто.

Мортан тоже заметил этот взгляд. Его плечи едва заметно напряглись.

— Эррел, — сказал он холодно. — Пепельный край приглашён как свидетель, не как участник.

Нокс медленно оттолкнулся от колонны.

По залу прошла волна тревоги. Враг Мортана не должен был приближаться к чаше Дайров. Даже само его присутствие здесь было уступкой Совета: Пепельный край слишком долго спорил с домом Дайр о границах, клятвах и старых долгах, чтобы его правитель стоял спокойно на чужой церемонии.

— Я пока и свидетель, — произнёс Нокс.

Голос у него был низким, ровным, без вызова напоказ. От этого вызов чувствовался сильнее.

Мортан чуть повернул голову.

— Пока?

— До тех пор, пока обряд остаётся обрядом, а не подменой.

Старейшины зашевелились. Аврел выпрямился, и пламя в чаше резко потянулось к нему, словно он пытался закрыть его от чужого взгляда.

— Осторожнее, лорд Эррел.

Нокс не посмотрел на старейшину.

— Я осторожен. Поэтому и спрашиваю: почему брачная печать княгини не погасла, если родовой огонь уже признал другую женщину истинной парой князя?

Тишина упала мгновенно.

Яра не сразу поняла смысл вопроса. Она опустила взгляд на запястье. Золотистая линия под кожей действительно светилась. Не ярко, но уверенно. Раньше, на малых обрядах, печать отзывалась только рядом с Мортаном, да и то слабо, будто выполняла долг без желания. Сейчас она горела сама по себе.

Сибилла отступила на полшага.

Мортан заметил это и тут же взял её за локоть, удерживая рядом. Яра увидела этот жест и почему-то окончательно успокоилась. Боль никуда не исчезла, но стала ясной, твёрдой. Как лезвие, которое уже вошло и теперь не нужно бояться самого удара.

Он выбрал.

Значит, и она больше не обязана беречь его лицо.

— Хороший вопрос, — сказала Яра, не отводя взгляда от Мортана. — Мне тоже интересно.

Аврел резко поднял руку.

— Печать может сохранять остаточный свет до завершения разрыва.

— Остаточный? — Нокс наконец посмотрел на старейшину. — Любопытное слово для огня, который усиливается.

— Вы не имеете права толковать клятвы Дайров.

— А вы, похоже, имеете право их торопить.

Мортан сделал ещё один шаг вперёд. Воздух вокруг него накалился. На мгновение Яре показалось, что каменные драконы под потолком шевельнулись от близости живого пламени.

— Нокс, — сказал Мортан. — Не испытывай моё терпение в моём доме.

— Я бы с радостью, — ответил Нокс. — Но сегодня в твоём доме испытывают не твоё терпение.

Его взгляд скользнул к Яре.

На этот раз в нём было что-то ещё. Не мягкость. Нокс Эррел, судя по всему, вообще не был создан для мягкости. Но он смотрел так, будто видел перед собой не помеху чужому союзу, не униженную жену, не удобную фигуру в старой войне родов.

Человека, которому сейчас перекрывали выход.

И Яра вдруг поняла: если она сейчас промолчит, за неё всё решат. Окончательно. Красиво. С печатями, свидетелями и словами о достоинстве.

Она сняла с запястья тонкий браслет с гербом Дайров. Тот самый, что Мортан надел ей после свадебного обряда. Не сам — через распорядительницу. Но всё же от его имени.

Браслет тихо звякнул, когда Яра положила его на край чаши.

— Я не признаю этот выход почётным, — сказала она.

Зал будто затаил дыхание.

Мортан смотрел на браслет. Впервые за весь вечер на его лице появилось нечто похожее на раздражение, почти на живую эмоцию.

— Не усложняй.

Яра подняла глаза.

— Тебе?

— Себе.

— Себе я всё усложнила три года назад, когда решила, что за твоим молчанием может скрываться чувство.

Сибилла тихо вдохнула.

Мортан побледнел от ярости — едва заметно, но Яра знала его достаточно, чтобы увидеть. Его дракон не любил, когда его ставили перед правдой. Особенно при свидетелях.

— Наш брак был долгом, — произнёс он.

— Тогда не называй предательство волей пламени. Называй его новым долгом, если тебе так проще.

Старейшина Аврел ударил посохом о камень.

— Княгиня Яра! Вы забываете, что род Дайр дал вам имя.

— Нет, старейшина. Я хорошо помню цену этого имени. Мне напоминали о ней за каждым ужином, на каждом празднике и всякий раз, когда кто-то смотрел на мой пустой боковой трон так, будто он уже ждёт другую женщину.

В зале стало слишком тихо.

Сибилла медленно подняла голову.

— Я никогда не желала вашего места, — сказала она.

Яра посмотрела на её руку, всё ещё лежавшую под пальцами Мортана.

— Тогда уберите руку.

Сибилла не убрала.

Ответ был красноречивее любой речи.

Мортан, казалось, устал от разговора. В нём появилось то страшное спокойствие, которое всегда означало конец спорам.

— Яра, ты покинешь зал сейчас. Позже мы обсудим условия.

— Нет.

Простое слово не прозвучало рублено. Оно легло в зал спокойно и тяжело, как камень в воду.

Мортан прищурился.

— Ты не понимаешь положения.

— Я начинаю понимать его слишком хорошо.

— У тебя нет силы спорить с Советом.

— Возможно. Зато у меня есть голос, который вы почему-то очень торопитесь убрать из этой чаши.

Пламя вспыхнуло.

На этот раз все увидели.

Оно не просто дрогнуло — оно выгнулось к Яре, тонкой золотой дугой, будто прислушивалось к её словам. Несколько старейшин одновременно шагнули ближе, закрывая чашу телами. Слишком быстро. Слишком испуганно.

Яра почувствовала, как холодная волна прошла по спине.

Они знали.

Не что именно произойдёт — нет. Но они боялись чего-то в этой чаше. В её печати. В ней самой.

— Обряд завершён, — резко сказал Аврел. — Княгиню проводят в восточное крыло до составления документов.

Документов.

Вот и всё. Её жизнь в трёх экземплярах, с подписями мужчин, которые не спрашивали, болит ли у неё сердце.

Двое стражей у дверей двинулись вперёд. Не угрожающе. Почтительно. От этого стало ещё отвратительнее.

Нокс тоже двинулся.

Мортан резко повернулся к нему.

— Не вмешивайся.

— Я ещё не начал.

— Это дело моего рода.

Нокс остановился всего в нескольких шагах от Яры. Теперь она могла рассмотреть его лицо яснее: тёмные брови, жёсткую линию губ, шрам у виска — тонкий, серебристый, почти скрытый волосами. Его глаза были не чёрными, как показалось издали, а серыми, с пепельным отсветом. В них не было тепла, но была такая внимательность, что рядом с ним ложь казалась менее уверенной в себе.

— Именно поэтому оно уже перестало быть честным, — сказал Нокс.

Мортан усмехнулся.

— Ты пришёл в мой дом говорить о честности?

— Я пришёл смотреть, как род Дайр подтверждает клятву. Вместо этого вижу, как он пытается вытолкнуть жену князя через боковую дверь, пока её печать горит сильнее, чем огонь твоей истинной.

Сибилла вздрогнула.

Мортан медленно повернул к ней лицо. На одно мгновение между ними мелькнуло что-то, что Яра не успела понять. Не нежность. Не доверие. Скорее напряжение двух людей, которые заранее договорились о словах, но не о том, что делать, если церемония пойдёт не по их сценарию.

Этот миг увидел и Нокс.

Яра поняла по его взгляду.

Аврел встал между ними и чашей.

— Довольно. Все посторонние покинут зал. Совет продолжит обряд в закрытом круге.

— Посторонние? — Яра усмехнулась, и собственная усмешка показалась ей чужой. — Я всё ещё жена князя Дайра, старейшина. Или вы уже переписали это, пока я стою здесь?

— Вы получите разъяснения.

— Я получила достаточно.

Она повернулась к Мортану.

Как странно: всего утром она думала, что попросит его после церемонии остаться с ней наедине. Сказать правду. Дать им шанс. Сейчас, глядя на его красивое непроницаемое лицо, Яра вдруг не нашла в себе даже желания спросить, любил ли он Сибиллу. Ответ не имел значения.

Любовь не оправдывала трусость.

Истинная связь не требовала унижения.

Родовой долг не должен был пахнуть предательством.

— Я уйду, — сказала она. — Но не потому, что вы меня отправляете. Я уйду, потому что не желаю оставаться там, где моё достоинство обсуждают как помеху чужому счастью.

Мортан смотрел на неё так, будто впервые не узнавал.

— Ты не понимаешь, чем рискуешь.

— Нет, Мортан. Это ты не понял, что уже потерял.

Она сняла с пальца княжеское кольцо.

Не брачную печать — её снять было невозможно. Только кольцо. Тяжёлое, с чёрным камнем, внутри которого в день свадьбы мелькнул крошечный драконий огонь. Три года Яра носила его как доказательство, что однажды станет не просто женщиной при князе, а женой. Сегодня кольцо вдруг оказалось удивительно тяжёлым.

Она положила его рядом с браслетом.

Сибилла смотрела на украшения так, будто перед ней лежали ключи от дворца.

В её взгляде впервые мелькнула настоящая жадность — не к Мортану даже, а к месту, которое Яра только что освободила. Сибилла тут же спрятала это за мягкой складкой губ, но было поздно. Яра увидела: кроткая истинная тоже умеет считать двери, которые перед ней открываются.

Мортан — так, будто Яра совершила оскорбление, которого он от неё не ожидал.

— Это ничего не меняет, — сказал он.

— Конечно. В вашем мире женщина может снять кольцо, гордость, голос, имя — и всё равно кто-то другой решит, что именно это значит.

Она развернулась к выходу.

Стражи у дверей растерянно расступились. Никто не знал, можно ли задерживать княгиню, которая всё ещё носила брачную печать, но уже отказалась играть роль благодарной изгнанницы. Старейшины зашептались. Гости откровенно тянули шеи. Яра шла между ними и чувствовала, как сотни взглядов липнут к её спине.

Не ускоряться.

Не опустить голову.

Не показать, что каждое дыхание даётся с трудом.

У самой двери она поравнялась с Ноксом.

Он не сделал попытки коснуться её. Даже не склонился слишком низко, чтобы не превратить её боль в спектакль. Только произнёс тихо, так, что слышала она одна:

— Не позволяйте им закрыть чашу до того, как она договорит.

Яра замерла.

— Что?

Нокс смотрел мимо неё, на помост.

— Ваша печать не прощается с родом. Она зовёт свидетелей.

Ей следовало спросить больше. Следовало потребовать объяснений. Но в этот миг за спиной раздался резкий голос Аврела:

— Закрывать огонь.

Двое младших старейшин бросились к главной чаше. Один поднял тяжёлый обруч с начертанными знаками, второй развернул тёмное покрывало для гашения церемониального света.

И тогда пламя взорвалось.

Не огнём Дайров.

Не золотым родовым пламенем, которое Яра видела три года.

Из чаши поднялся бело-алый свет, такой яркий, что зал вскрикнул и отшатнулся. Он не жёг камень, не пожирал воздух, не метался хищным языком. Он раскрылся над чашей огромным цветком свободного огня, в сердцевине которого проступил знак.

Сначала Яра не поняла, что видит.

Тонкая дуга. Внутри — маленькая искра. Вокруг — крыло, ещё не расправленное, но уже отмеченное древней кровью.

Старейшина Аврел побелел.

Один из младших уронил обруч, и тот с грохотом покатился по ступеням. Сибилла отступила так резко, что едва не запуталась в подоле. Мортан впервые за весь вечер потерял своё безупречное спокойствие. Он смотрел на знак над чашей, и в его глазах поднималось не понимание даже — потрясение, ярость, неверие.

Яра медленно подняла руку к запястью.

Брачная печать сияла.

А под её светом, глубже, там, где не должно было быть никакого знака, проступала крошечная искра свободного пламени.

Чаша не просто спорила с Советом.

Чаша объявляла.

— Нет, — выдохнул Аврел. — Это невозможно.

Нокс сделал шаг вперёд, и его голос прозвучал тихо, но в этой тишине услышали все:

— Поздно закрывать огонь, старейшина. Он уже признал наследника.

Яра не сразу поняла, почему зал качнулся вокруг неё.

Наследника.

Слово прошло сквозь неё, как удар грома под кожей.

Её только что назвали пустой ветвью.

Лишней женой.

Ошибкой брака.

А древняя чаша, перед которой не смели лгать ни князья, ни драконы, ни Совет, сияла над залом знаком ребёнка драконьей крови.

Мортан медленно повернулся к Яре.

Теперь он смотрел на неё.

Впервые за вечер по-настоящему.

Не как на жену, которую можно убрать. Не как на ошибку, которую можно исправить. Не как на женщину, чьё сердце удобно не учитывать.

Как на потерянную власть, внезапно ставшую недостижимой.

Сибилла прошептала что-то, но её никто не услышал.

Аврел шагнул к чаше, явно собираясь закрыть свет собой, но пламя взвилось выше, отбрасывая его назад. По стенам зала побежали новые тени — не драконьи пасти предков, а тонкий знак крыла вокруг искры.

Яра стояла у дверей, не в силах сделать ни шага.

Она не знала, радоваться ей, бояться или закричать от того, что её тайна открылась раньше, чем она сама успела её понять. Но одно стало ясно сразу: теперь её не отпустят в дом у восточного озера. Не дадут уйти красиво. Не позволят исчезнуть с титулом и охраной.

Первый страх за ребёнка пришёл не материнским знанием, а звериным, древним холодом: все эти люди уже смотрели не на Яру, а сквозь неё. К маленькой искре. К тому, что можно будет назвать наследником, правом, будущим, оправданием. Никто ещё не спросил, каково

ей самой стоять у двери и узнавать, что внутри неё есть жизнь, которую зал успел присвоить быстрее, чем она успела защитить.

Мортан уже сделал первый шаг к ней.

Не муж.

Не предатель.

Князь, который понял, что его ненужная жена носит то единственное, ради чего род Дайр готов был сжечь весь мир.

И прежде чем он успел произнести её имя, Нокс Эррел встал между ними и сказал так спокойно, будто только этого мгновения и ждал:

— Теперь, князь Дайр, попробуй объяснить Совету, почему ты хотел избавиться от матери своего наследника.

Ребёнок, которого не должно быть

— Теперь, князь Дайр, попробуй объяснить Совету, почему ты хотел избавиться от матери своего наследника.

Слова Нокса Эррела не прозвучали громко. В них не было торжества, не было крика, не было желания украсить чужой позор красивым ударом. И всё же именно они заставили Высокий зал Дайров замолчать так глубоко, будто сам дворец перестал дышать.

Яра стояла у дверей, за спиной у неё холодел широкий проём, впереди горела чаша, а между ней и Мортаном — человек, которого её муж ненавидел так давно и так сильно, что даже имя Эррела во дворце произносили с осторожностью. Нокс не касался её, не прятал за собой, не делал вид, будто получил на неё право. Он просто встал на пути князя Дайра, и этого оказалось достаточно, чтобы Мортан остановился.

Не от страха.

От ярости.

Яра видела, как она поднимается в нём: медленно, горячо, под кожей, за неподвижным лицом, в сузившихся зрачках, в жёсткой линии рта. Мортан всегда умел владеть собой. Он мог стоять среди врагов и выглядеть так, будто именно он решает, кому позволено жить до следующего рассвета. Но сейчас его спокойствие дало трещину. Не потому, что его унизили. Не потому, что Нокс посмел говорить при всех.

Потому что чаша сказала правду раньше, чем Мортан успел её спрятать.

Наследник.

Это слово всё ещё звенело внутри Яры, не находя места в её мыслях.

Она не могла сразу почувствовать радость. Радость была слишком далека от этого зала, от взгляда мужа, от лица Сибиллы, ставшего белым и злым под мягкой маской. Яра даже не могла понять, верит ли сама. Её ладонь лежала на запястье, где брачная печать сияла вместе с новой искрой — такой крошечной, что её почти не было видно, но весь зал уже понял значение этого света.

Мать наследника.

Только что они называли её пустой ветвью.

Только что ей предлагали дом у восточного озера, содержание и тишину.

Теперь те же люди смотрели на неё так, будто она из отвергнутой жены превратилась в дверь к власти.

Старейшина Аврел Рон первым пришёл в себя.

— Закрыть двери, — сказал он.

Голос его был хриплым, но приказ выполнили мгновенно. Тяжёлые створки Высокого зала двинулись навстречу друг другу. Гости у выхода подались назад, кто-то возмущённо вскрикнул, но стражи Дайров уже встали цепью, отрезая путь. Двери сомкнулись с низким гулом, и этот звук прошёл по камню, по стенам, по груди Яры.

Её не выпускали.

Конечно.

Она почти усмехнулась, но губы не послушались.

Минуту назад её торопили уйти, чтобы она не мешала чужой истинной связи. Теперь зал запирали, потому что её уход стал опаснее её присутствия.

— Никто не покинет зал без разрешения Совета, — продолжил Аврел. — Увиденное должно быть истолковано в полном круге.

— Истолковано? — Нокс чуть повернул голову. — Чаша показала знак наследника. Что именно вы собираетесь толковать, старейшина? Форму крыла или степень вашего испуга?

Старейшины зашептались. Один из них, грузный лорд с тяжёлой цепью на груди, шагнул к Аврелу и что-то сказал ему почти беззвучно. Аврел бросил быстрый взгляд на Яру, потом на Мортана. В этом взгляде было слишком много расчёта.

Мортан не сводил глаз с Яры.

Она видела, как меняется его лицо. Сначала неверие, потом злость, потом нечто куда более опасное: решение вернуть контроль. Он смотрел уже не на женщину, которую предал. Не на жену, которую собирался убрать. Он смотрел на мать ребёнка, которого род Дайр ждал слишком долго.

И от этого Яре стало холоднее, чем от любого оскорбления.

Сибилла первой нарушила молчание среди тех, кто стоял рядом с чашей.

— Это может быть ошибка, — сказала она.

Голос у неё был тихий, но Яра услышала. Все услышали. В такие мгновения зал не прощал даже шёпота.

Мортан медленно повернулся к ней.

Сибилла вздрогнула, будто поняла, что сказала лишнее, и тут же опустила ресницы.

— Я хотела сказать... огонь был нестабилен. Обряд прервался. Печати смешались. Возможно, знак...

— Чаша не ошибается, — произнёс Аврел.

Сказал слишком быстро.

И сам понял это.

Яра заметила, как Нокс чуть склонил голову, будто положил эту фразу в память. Он не торопился вмешиваться. Он наблюдал. В нём было что-то пугающе собранное: не спаситель, не рыцарь из сказок, а человек, привыкший видеть слабые места в крепостных стенах и ждать, пока камень треснет сам.

— Значит, вы признаёте знак? — спросила Яра.

Слова вырвались раньше, чем она успела испугаться.

Все взгляды снова обратились к ней. Не так, как прежде. Сейчас в них было не злое любопытство, а жадная осторожность. Будто Яра стала чашей с огнём, которую нельзя уронить, но и оставлять без присмотра нельзя.

Аврел задержал на ней взгляд.

— Княгиня, сейчас не время для поспешных выводов.

— Ещё несколько мгновений назад вам хватало времени для поспешного разрыва моего брака.

Сибилла вскинула голову. Мортан сделал едва заметное движение, словно хотел одёрнуть Яру по привычке, но остановился. Она уловила этот жест и вдруг ясно поняла: привычки теперь будут ломаться. Его власть над ней не исчезла за одну вспышку чаши, но уже перестала быть безусловной. Впервые за три года Мортан не мог просто сказать её имя — и заставить замолчать.

Пламя в чаше горело уже тише, но знак над ним не исчезал. Крыло вокруг искры дрожало, будто держалось усилием самой древней магии. Яра смотрела на него и пыталась осознать невозможное.

Ребёнок.

У неё будет ребёнок.

Нет, не так.

У неё уже есть ребёнок — крошечная искра жизни, о которой она не знала до этого страшного вечера. Ребёнок, о котором Мортан говорил как о долге рода ещё до того, как узнал, что он существует. Ребёнок, ради которого старейшины уже начали считать выгоду, угрозы и права.

Первым чувством снова оказалась не радость. Радость требовала тишины, ладони на окне, утреннего света, хотя бы одного человека рядом, который сказал бы: «Ты не одна». А здесь были закрытые двери, чужие взгляды и муж, который смотрел так, будто перед ним внезапно открылась потерянная сокровищница.

Яра испугалась не ребёнка. Она испугалась того, как быстро ребёнок перестал принадлежать даже её шёпоту.

Яра осторожно опустила ладонь на живот.

Не потому, что что-то почувствовала. Не потому, что понимала. Просто мир внезапно стал другим, и ей понадобилось коснуться себя, чтобы не потерять равновесие.

Мортан увидел этот жест.

Его лицо изменилось почти неуловимо. Взгляд стал темнее, напряжённее. И впервые за весь вечер в нём мелькнуло что-то похожее не на власть, а на удар.

Но Яра уже не верила ударам, которые приходили слишком поздно.

— Яра, — сказал он.

Нокс не двинулся, но между мужчинами вновь натянулась невидимая линия. Мортан заметил это и перевёл на него взгляд.

— Отойди.

— Нет.

Одно короткое слово Нокса заставило нескольких гостей втянуть воздух. Никто в доме Дайров не отвечал Мортану так спокойно. Никто, кроме человека, который давно не признавал его власть полной.

— Ты в моём зале, Эррел.

— А княгиня всё ещё у дверей, через которые вы не даёте ей выйти.

— Она моя жена.

Слова ударили сильнее, чем должны были.

Яра медленно подняла голову.

Моя жена.

Теперь он произнёс это легко. Без сомнения. Почти с яростью. Будто несколько мгновений назад не объявлял другую женщину истинной перед всем Советом. Будто не предлагал Яре почётное удаление. Будто кольцо и браслет всё ещё не лежали на краю чаши рядом с пламенем, свидетельствуя, как быстро муж вспоминает о жене, когда она становится ценной.

— Ваша жена? — спросил Нокс. — Удобно вспомнил.

Мортан шагнул к нему, и воздух пошёл жаркой волной. Пламя в боковых чашах вытянулось к нему, признавая кровь Дайров. По залу прошёл испуганный шёпот: драконья ярость в закрытом помещении была не зрелищем для развлечения, а угрозой, от которой камень помнил старые трещины.

Яра сделала вдох.

Ей хотелось отступить. Хотелось оказаться далеко от чаши, от стражей, от Сибиллы, от мужа, от всех этих глаз. Но за спиной были закрытые двери. Перед ней — мужчина, который предал её, и мужчина, которому она не имела причин доверять, кроме того, что он единственный не назвал её ошибкой.

— Мортан, — сказала она.

Он сразу посмотрел на неё.

И это оказалось почти страшнее, чем его прежнее равнодушие.

— Подойди ко мне, — произнёс он.

В зале стало тихо.

Не просьба.

Не вопрос.

Приказ, обёрнутый в голос мужа.

Яра почувствовала, как где-то внутри поднялась старая привычка подчиниться: не из слабости, а из усталости от сопротивления. Три года она училась выбирать слова, чтобы не вызвать его раздражения. Училась ждать, когда он освободится. Училась быть достойной его дома, его имени, его холодного уважения. Привычка была глубокой, как шрам на стекле: не болит каждый день, но стоит провести пальцем — и вспоминаешь.

Она не двинулась.

— Зачем?

Мортан смотрел на неё несколько долгих мгновений.

— Тебе нельзя стоять у дверей. Ты взволнована.

Удивительно, но именно эта фраза почти заставила её рассмеяться.

Взволнована.

Так называлось теперь всё, что с ней сделали? Её брак растоптали. Её место отдали другой. Её хотели удалить из рода. Потом магия объявила её матерью наследника, и двери перед ней заперли. А муж сказал: она взволнована.

— Не беспокойся, — ответила Яра. — Для женщины, которую только что пытались вычеркнуть из собственной жизни, я держусь вполне достойно.

На лице Мортана мелькнула тень. Может быть, раздражение. Может быть, стыд. Яра не захотела разбираться.

Аврел поспешно вмешался:

— Княгиня, сейчас главное — не спор. Ваше положение изменилось. Совет обязан обеспечить вашу безопасность и безопасность будущего наследника рода Дайр.

Будущего наследника рода Дайр.

Вот оно. Сказано вслух.

Ребёнок ещё был только знаком над чашей, искрой в древнем огне, почти невозможной правдой, а Совет уже поставил рядом с ним имя рода. Не её. Не Яры. Дайр.

Она обхватила себя руками, но тут же заставила ладони опуститься. Не прятаться. Не показывать им, где болит.

— А моя воля входит в это новое положение? — спросила она.

Аврел помолчал.

Слишком долго.

— Ваше согласие будет учтено.

Нокс тихо усмехнулся.

— Перевожу с языка Совета: нет.

Несколько старейшин возмущённо повернулись к нему. Мортан не повёл бровью. Он всё ещё смотрел на Яру, как будто между ними не было ни Нокса, ни Совета, ни Сибиллы. Только новая истина, которую он собирался взять под контроль.

— Яра, — сказал он уже тише. — Мы поговорим наедине.

Сибилла побледнела ещё сильнее.

На её лице впервые не осталось мягкой победы. Только голый расчёт, сорвавшийся с края пропасти: ещё минуту назад она была будущей княгиней у руки дракона, а теперь стояла рядом с мужчиной, чей взгляд вернулся к жене не из любви, а из-за искры над чашей.

Яра увидела это и странно спокойно подумала: вот теперь она испугалась по-настоящему. Не из-за Яры. Не из-за ребёнка. Из-за того, что Мортан сам предложил другой женщине разговор наедине, пока его истинная стояла рядом и теряла место, которое ещё не успела получить.

Зал брачных клятв оказался удивительно справедливым. Он просто показывал всем, как быстро меняется цена любви, если к ней приложить наследника.

— Нет, — сказала Яра.

Мортан застыл.

— Что значит нет?

— Это значит, что я не пойду с тобой наедине.

— Ты не понимаешь, что сейчас происходит.

— Понимаю больше, чем утром. Утром я думала, что у меня есть муж.

Сибилла тихо ахнула, но Яра не посмотрела на неё.

Мортан сделал шаг. Нокс — тоже.

— Я сказал, отойди, — прорычал Мортан, и в его голосе впервые ясно прозвучал дракон.

— А я услышал, — спокойно ответил Нокс. — Не понравилось.

Пламя боковых чаш вспыхнуло выше. Стражи у дверей переглянулись, не зная, кого слушать: хозяина дворца или древний порядок, который всё ещё не позволял трогать женщину с горящей брачной печатью без решения полного круга.

Аврел поднял обе руки.

— Довольно! Высокий зал не место для личной вражды. Князь Мортан, лорд Эррел, ваши распри не должны касаться наследника.

— Наследник касается меня, — сказал Мортан.

— И меня, — произнесла Яра.

Все снова замолчали.

Она не собиралась говорить так громко. Не собиралась становиться центром ещё одного круга взглядов. Но слова вышли сами — не резкие, не истеричные, а такие ясные, что даже ей стало страшно.

Мортан посмотрел на неё иначе.

Как на преграду.

— Разумеется, — сказал он после паузы. — Ты его мать.

Только теперь.

Теперь он признал это.

Яра улыбнулась краем губ, и улыбка вышла горькой.

— Как быстро я перестала быть ошибкой.

Лицо Мортана стало жёстким.

— Я не называл тебя ошибкой.

— Ты назвал ошибкой наш брак.

— Потому что на тот момент —

— На тот момент ты не знал, что можешь получить от него наследника?

Эта фраза прошла по залу, как вспышка по сухому шёлку. Кто-то из женщин опустил глаза. Кто-то из мужчин шумно выдохнул. Сибилла сжала пальцы так сильно, что костяшки побелели.

Мортан молчал.

И это молчание стало ответом.

Яра вдруг почувствовала усталость. Не слабость, нет. Скорее такую глубокую ясность, от которой невозможно кричать. Всё уже было сказано. Не словами — поступками.

Аврел сделал знак младшему старейшине. Тот приблизился к чаше, но не посмел коснуться пламени.

— Закон о наследной искре должен быть соблюден, — произнёс Аврел. — До окончательного подтверждения знака княгиня Яра остаётся под защитой рода Дайр.

— Под защитой? — Яра посмотрела на закрытые двери. — Это теперь так называется?

— Вы будете размещены во внутренних покоях старшей линии, — продолжил старейшина, будто не услышал. — С вами останутся две женщины из дома Дайр и стража. До рассвета Совет составит условия дальнейшего пребывания.

— Пребывания, — повторила Яра. — В доме, из которого меня только что изгоняли.

— Обстоятельства изменились.

— Нет. Изменилось только то, что вы узнали о ребёнке.

Аврел сжал губы.

— Княгиня, вы должны понимать: наследник старшей линии не может быть предметом вашего личного решения.

В Яре поднялось что-то такое тихое и опасное, что она сама испугалась. Не ярость. Ярость бы сгорела. Это было твёрже.

— Повторите, — сказала она.

Аврел моргнул.

— Что?

— Повторите при чаше, что мой ребёнок не может быть предметом моего решения.

Пламя в главной чаше едва заметно поднялось.

Аврел замолчал.

Нокс посмотрел на Яру. Не с удивлением — с новым вниманием. Будто она сделала ход, которого он не ожидал, но оценил.

Мортан, напротив, нахмурился.

— Не превращай ребёнка в оружие против меня.

Она повернулась к нему.

— Я? Ты только что объявил весь мой брак бесполезным, потому что в нём не было наследника. А теперь говоришь мне не превращать ребёнка в оружие?

— Я говорю тебе не поддаваться чужому влиянию.

Нокс усмехнулся.

— Вот мы и добрались. Если княгиня думает не так, как тебе удобно, значит, её кто-то настроил.

Мортан даже не взглянул на него.

— Ты слишком быстро оказался рядом, Эррел.

— А ты слишком поздно вспомнил, где должна стоять жена.

Яра подняла руку, останавливая их обоих.

Её пальцы слегка дрожали, и она возненавидела эту дрожь. Не потому, что боялась показаться слабой. Потому что все вокруг ждали, что она сорвётся, и хотели использовать каждый её слабый жест против неё.

— Не говорите обо мне так, будто меня здесь нет, — сказала она.

Мортан закрыл рот.

Нокс тоже.

Это маленькое молчание было первым, которое она получила не как наказание, а как пространство.

Яра сделала шаг от дверей к центру зала. Не к Мортану. Не к Ноксу. К чаше. Стражи напрялись, но никто не остановил её. Пламя над чашей всё ещё держало знак крыла и искры. Чем ближе Яра подходила, тем теплее становилась брачная печать.

Сибилла отступила, освобождая место.

Яра заметила этот шаг и остановилась рядом с ней.

Вблизи Сибилла выглядела ещё тоньше, чем издали. Светлые волосы были уложены безупречно, на виске мерцала серебряная нить истинной связи — временный знак, который должен был стать постоянным после завершения обряда. Она пахла холодными цветами и страхом, тщательно скрытым под вежливостью.

— Вы знали? — спросила Яра.

Сибилла вскинула глаза.

— О чём?

— Что церемония сегодня закончится моим изгнанием.

Сибилла помолчала, затем мягко сказала:

— Я знала, что князь примет решение. Мне сказали, что для всех так будет честнее.

— Для всех?

— Для рода. Для него. Для вас тоже.

Яра смотрела на неё и вдруг поняла, что Сибилла действительно могла убедить себя в этом. Или позволила убедить. Это не делало её невинной. Просто её ложь была не грубой, а удобной.

— Не называйте честностью то, что требовало моего молчания.

В глазах Сибиллы мелькнуло раздражение.

— Вы не единственная, кому пришлось ждать своего места.

Яра не успела ответить.

Мортан резко произнёс:

— Сибилла.

Та сразу замолчала. Слишком быстро. Слишком привычно. Яра увидела это и запомнила.

Между ними не было той свободной связи, о которой пел родовой огонь в сказаниях. Там, где должна была быть истинная сила, Яра видела напряжение, приказ, страх потерять выигранное место. Возможно, чаша не просто признала наследника. Возможно, она ещё и показала, что вся церемония с самого начала была чем-то неверным.

Аврел тем временем совещался с двумя старейшинами у подножия помоста. Их голоса едва долетали до Яры, но отдельные слова всё же прорывались сквозь шорох зала.

— ...нельзя при свидетелях...

— ...если знак свободного пламени...

— ...разрыв невозможен без её согласия...

Яра резко повернула голову.

Разрыв невозможен.

Вот оно.

Вот почему Аврел побледнел. Почему двери закрыли. Почему её больше не спешили отправить к восточному озеру.

— Что вы сказали? — спросила она.

Старейшины замолчали.

Аврел медленно обернулся.

— Княгиня?

— Разрыв невозможен без моего согласия?

Мортан посмотрел на Аврела так, будто тот совершил ошибку уже тем, что позволил ей услышать.

Старейшина выпрямился.

— Закон о наследной искре сложен.

— Я не спрашивала, сложен ли он. Я спросила, правда ли это.

Нокс сделал шаг ближе, но снова не стал говорить вместо неё. Яра заметила это краем глаза и вдруг ощутила странную благодарность. Не доверие. До доверия было далеко. Но он понимал, что сейчас важно не отнять у неё голос.

Аврел медленно произнёс:

— Если законная жена носит признанного чашей наследника старшей линии, расторжение брачной клятвы невозможно до рождения ребёнка без её согласия и без полного пересмотра прав рода.

Слова падали одно за другим, и с каждым Яра чувствовала, как меняется воздух в зале.

Невозможно без её согласия.

Значит, её всё ещё пытались вытолкнуть до того, как чаша договорит. Если бы огонь закрыли раньше, если бы она ушла, если бы документы составили в закрытом круге, всё выглядело бы иначе. Возможно, знак объявили бы позднее. Возможно, сказали бы, что она уже приняла условия. Возможно, ребёнка назвали бы наследником Дайров без матери.

Она посмотрела на Мортана.

— Ты знал?

Он ответил не сразу.

Этой паузы хватило.

— Я знал закон, — сказал он наконец. — Не знал о ребёнке.

— Но знал, что если чаша покажет наследника до моего ухода, ты не сможешь расторгнуть брак без моего согласия.

— Я не собирался забирать у тебя права.

Нокс негромко рассмеялся. Без веселья.

Мортан резко повернулся к нему:

— Ещё одно слово, Эррел.

— С радостью промолчу, если княгиня поверит этой фразе без моей помощи.

Яра не поверила.

И от этого ей стало ещё больнее, хотя она думала, что боль уже достигла края.

Мортан не знал о ребёнке. Возможно. Но он знал закон. Знал, что её надо вывести из зала до того, как родовой огонь скажет всё. Знал, что её согласие может стать препятствием. Значит, вся церемония была выстроена так, чтобы она не успела стать стороной спора. Чтобы ей оставили только красивое поражение.

— Мне нужно уйти отсюда, — сказала Яра.

Мортан напрягся.

— Ты никуда не уйдёшь одна.

— Я не просила разрешения.

— Я не позволю тебе покинуть дворец в таком состоянии.

— В каком именно? В состоянии женщины, которой стало ясно слишком много?

Его челюсть дрогнула.

— В состоянии матери моего ребёнка.

Слова прозвучали слишком собственнически. Так, что пламя в чаше потемнело у краёв.

Яра почувствовала это всем телом.

Моего ребёнка.

Не нашего.

Не твоего.

Моего.

Она подняла руку к брачной печати, и огонь под кожей отозвался. В этот миг Яра поняла простую вещь: страх за ребёнка пришёл раньше любви к нему, потому что любовь ещё не успела раскрыться. Но страх уже был полным, взрослым, резким. Он не спрашивал, готова ли она стать матерью. Он просто встал между ней и всеми, кто произносил слово “наследник” слишком жадно.

— Нет, Мортан, — сказала она тихо. — Сначала он мой ребёнок. И только потом — ваш наследник.

Сибилла опустила взгляд, но Яра увидела, как её губы сжались.

Аврел поднял посох.

— Княгиня, Совет предлагает разумный путь. Вы отправитесь в восточное крыло под охраной. Утром будет составлено соглашение. Вы сохраните почёт, удобство и право присутствовать при решениях о наследнике.

Яра медленно повернулась к нему.

— Присутствовать?

— Учитывая обстоятельства—

— Я не украшение при собственной судьбе, старейшина.

— Никто этого не говорит.

— Вы только что сказали.

Аврел устал. Это стало заметно по тому, как он перестал прятать раздражение.

— Вы молоды, княгиня. Вами руководит обида. Но родовые законы существуют не для того, чтобы каждая оскорблённая женщина рушила порядок, от которого зависит стабильность земель.

Вот теперь в зале стало по-настоящему опасно тихо.

Яра почувствовала, как Нокс едва заметно повернул голову. Мортан тоже понял, что старейшина сказал лишнее. Но было поздно.

Каждая оскорблённая женщина.

Она вдруг увидела не только себя. Увидела всех тех, кто стоял в этом зале с опущенными глазами. Женщин, которые знали цену родовым решениям. Женщин, которым когда-то тоже объясняли, что их боль — мелочь рядом со стабильностью земель. Женщин, для которых слово “достойно” означало “молча”.

Яра выпрямилась.

— Благодарю за ясность, старейшина. Теперь я понимаю, что именно вы называете порядком.

Аврел сжал посох.

— Не испытывайте терпение Совета.

— Вы уже испытали моё.

Мортан шагнул к ней.

— Яра, хватит.

Не крик. Но приказ.

Она повернулась к нему, и все слова, которые могли быть сказаны мягче, умерли у неё на языке.

— Нет, Мортан. Хватит было тогда, когда ты решил привести Сибиллу к нашей чаше. Хватит было тогда, когда Совет подготовил моё изгнание. Хватит было тогда, когда мне предложили дом, охрану и тишину вместо правды. Теперь поздно просить меня быть удобной.

Он смотрел на неё долго.

— Ты думаешь, Эррел защитит тебя?

Нокс усмехнулся:

— Вот теперь разговор становится интересным.

Яра не отвела взгляда от Мортана.

— Я думаю, что ты не защитил.

Это попало.

Она увидела.

Не раскаяние. Не слом. Мортан Дайр не ломался при свидетелях. Но что-то в его лице изменилось: едва заметная тень прошла по глазам, словно он впервые услышал не обвинение, а итог.

Сибилла, наоборот, ожила.

— Княгиня, вы сейчас говорите из боли, — произнесла она мягко. — Это понятно. Но ребёнку нужен сильный род. Защита. Имя. Не стоит из гордости отталкивать то, что принадлежит ему по праву.

Яра посмотрела на неё.

— Вы удивительно быстро заговорили о моём ребёнке.

Сибилла не смутилась. Её хрупкость снова стала безупречной.

— Потому что я думаю о будущем князя.

— Нет, — сказала Яра. — Вы думаете о своём будущем рядом с ним.

Щёки Сибиллы вспыхнули. Мортан резко произнёс:

— Довольно.

— Да, — согласилась Яра. — Довольно.

Она повернулась к Аврелу.

— Я хочу услышать полный закон.

Старейшина сузил глаза.

— Сейчас?

— Сейчас. При чаше. При свидетелях. До того, как вы снова попытаетесь закрыть двери, огонь или мой рот.

По залу прошёл шёпот. Нокс чуть склонил голову, и Яра могла бы поклясться: в его взгляде мелькнуло одобрение.

Аврел явно хотел отказать. Но чаша горела, знак наследника всё ещё висел над пламенем, а свидетелей было слишком много. Если Совет начнёт прятать закон прямо сейчас, слухи выйдут за двери раньше рассвета, даже если все окна заложат камнем.

— Закон о наследной искре, — произнёс старейшина наконец, — гласит: жена, чья брачная печать признана чашей вместе со знаком будущего наследника, не может быть лишена имени, дома, защиты и права голоса до полного родового пересмотра. Ребёнок находится под охраной старшей линии, но мать сохраняет личное право выбора места пребывания в пределах земель, признанных безопасными Советом.

— В пределах земель, признанных безопасными Советом, — повторил Нокс. — Какая удобная петля.

Аврел не посмотрел на него.

— Также мать наследника имеет право выбрать временного защитника до пересмотра брачной клятвы, если считает, что дом мужа нарушил её достоинство или безопасность.

Вот теперь Мортан резко повернулся к старейшине.

— Аврел.

В его голосе прозвучало предупреждение опаснее прежнего.

Яра услышала только одно.

Право выбрать защитника.

Не жильё. Не охрану, назначенную теми, кто хотел её убрать. Не восточное крыло. Выбрать.

Слово было маленьким, но внутри неё расправилось так широко, что стало трудно дышать.

— Почему вы не сказали об этом сразу? — спросила она.

Аврел холодно ответил:

— Потому что это крайняя мера. Она применяется редко и только в случае явного нарушения.

Яра медленно обвела взглядом зал.

— Как вы думаете, сегодняшний вечер подходит?

Никто не ответил.

Молчание было почти красивым.

Мортан сделал шаг к ней, и на этот раз Нокс не стал преграждать путь. Возможно, потому что Яра стояла уже не у дверей. Возможно, потому что хотел увидеть, что она сделает сама.

Мортан остановился перед ней на расстоянии вытянутой руки. Близко. Слишком близко после того, что произошло. От него пахло горячим камнем, дымом и тем самым дорогим холодом дворца, который Яра за три года научилась узнавать даже во сне. Когда-то этот запах заставлял её сердце биться быстрее. Сейчас сердце билось быстро по другой причине.

— Не делай этого, — сказал он тихо.

Впервые за вечер в его голосе не было Совета. Не было зала. Только он.

И это почти сбило её.

Почти.

— Чего именно?

— Не отдавай свою безопасность моему врагу.

— Ты предлагаешь оставить её тебе?

Его лицо стало каменным.

— Я предлагаю тебе думать.

— Я думаю, Мортан. Именно поэтому ещё стою на ногах.

Он опустил взгляд к её запястью. Свет печати отражался на его лице странно мягко, почти нежно. Яра невольно вспомнила ночь их свадьбы, тяжёлую корону, его пальцы в её волосах, фразу “Не бойся меня”. Тогда она поверила не словам даже — паузе после них. Решила, что за Мортаном есть человек, который не умеет быть тёплым, но может стать честным.

— Я не знал, — сказал он.

Она поняла, о чём он.

Чаша говорила о ребёнке, о праве крови и о праве выбора — о том, что старая родовая власть не отпустит свободную искру, пока ей не противопоставят клятву сильнее страха.

— А если бы знал? — спросила она. — Не привёл бы Сибиллу? Или просто провёл бы церемонию иначе?

Он не ответил сразу.

И снова этого хватило.

Яра закрыла глаза на короткое мгновение. Не от слабости. Чтобы не позволить боли вытечь наружу там, где её ждали.

— Ты всё ещё не понимаешь, — произнесла она. — Меня не разрушило то, что ты полюбил другую. Если бы ты пришёл ко мне честно, если бы сказал, что не можешь больше жить в нашем браке, это было бы больно. Очень. Но я бы пережила. Меня разрушает то, что ты решил провести меня через этот зал как ненужную вещь и назвать это достоинством.

Мортан резко вдохнул.

— Я хотел избежать скандала.

— Ты хотел избежать моего голоса.

Он замолчал.

Она впервые увидела, что ему нечем ответить.

Не потому, что он признал вину. Может быть, до признания было слишком далеко. Но правда встала между ними, и ни власть, ни драконья кровь не могли отодвинуть её без следа.

Сзади раздался голос Аврела:

— Княгиня Яра, ваш выбор должен быть зафиксирован до закрытия полного круга.

Мортан не отводил от неё взгляда.

— Не спеши.

В этих словах впервые прозвучала просьба.

Слишком поздняя.

Слишком маленькая для того, что он сделал.

Яра повернулась к Ноксу.

Он стоял у края помоста, не пытаясь приблизиться. В отличие от Мортана, Нокс не смотрел на неё так, будто она уже принадлежит его решению. Его лицо оставалось непроницаемым, но в серых глазах была внимательность — тяжёлая, взрослая, опасная. Он понимал цену момента. Возможно, лучше её самой.

— Лорд Эррел, — сказала Яра.

В зале снова зашептались. Сибилла побледнела.

Нокс слегка склонил голову.

— Княгиня.

— Если я назову ваше имя, что вы получите?

Вопрос прозвучал неожиданно даже для неё. Но он был важен. Слишком важен, чтобы бросаться из клетки Мортана в чужую, даже если новая клетка обита пепельным бархатом.

Нокс посмотрел ей прямо в глаза.

— Врага в ярости, Совет в панике и женщину, которая не обязана мне ничем, кроме честного ответа на честный вопрос.

— И всё?

— Нет, — сказал он. — Ещё возможность не дать им переписать сегодняшний вечер к утру.

По залу прошла волна возмущения.

Аврел резко произнёс:

— Лорд Эррел!

Нокс даже не моргнул.

— Вы же не станете утверждать, что не думали об этом.

Яра почувствовала, как в груди впервые за долгое время появляется не тепло даже, а пространство. Нокс не обещал ей спасения из чистого благородства. Не говорил, что у него нет выгоды. Не прикрывал правду красивыми словами. И именно это странным образом казалось надёжнее.

— Вы враг моего мужа, — сказала она.

— Да.

— Вы можете использовать меня против него.

— Могу.

Мортан резко шагнул вперёд.

— Достаточно.

Нокс продолжал смотреть только на Яру.

— Но не стану брать то, что вы не отдаёте сами.

Эти слова не были ласковыми. Они не утешали. Не обещали счастья. Но Яра вдруг почувствовала, как горло сжимается не от унижения, а от чего-то почти невыносимого: её впервые за вечер спросили не о пользе для рода, не о наследнике, не о порядке, а о её воле.

Мортан тоже это понял.

— Яра, — сказал он резко. — Посмотри на меня.

Она посмотрела.

Он стоял совсем близко, её муж, её предатель, князь Дайр, мужчина, которому она когда-то хотела принадлежать не по печати, а по сердцу. И если бы он сейчас попросил прощения? Если бы сказал, что ошибся, что испугался, что не знал, что готов защищать её, а не наследника?

Но Мортан сказал:

— Наш ребёнок не должен оказаться в руках Эррела.

Наш.

Слишком поздно.

И снова — не она. Не её боль. Не её право. Только ребёнок как граница между родами.

Яра сделала шаг назад.

Мортан понял раньше, чем она произнесла.

Его лицо потемнело.

— Не смей.

Слова сорвались у него низко, почти шёпотом, но зал услышал.

Яра выпрямилась.

— Вот теперь я точно знаю, что должна.

Аврел поднял посох.

— Княгиня Яра Сольвейн, законная жена князя Мортана Дайра, носительница признанной наследной искры, назовите временного защитника до пересмотра брачной клятвы.

Каждый звук в зале исчез.

Даже пламя будто застыло.

Яра чувствовала на себе взгляд Мортана. Жгучий, властный, требовательный. Чувствовала страх Сибиллы — острый, почти физический. Чувствовала напряжение Совета, который уже жалел, что не успел закрыть огонь раньше. Чувствовала присутствие Нокса — не рядом, не за спиной, не над ней. Просто там, где был выход, которого ей не дали.

Она подняла подбородок.

— Я называю Нокса Эррела, правителя Пепельного края.

Сибилла ахнула. В зале кто-то громко выругался и тут же умолк. Пламя в чаше взметнулось вверх, и знак крыла вокруг искры на мгновение стал ярче.

Мортан побледнел так, будто Яра ударила его при всех.

— Ты пожалеешь, — сказал он.

В этих словах была боль. И ярость. И угроза, которую он, возможно, сам ещё не осознал. Яра посмотрела на него спокойно, хотя внутри всё дрожало.

— Я уже жалею, Мортан. Просто не о том, о чём ты думаешь.

Нокс поднялся на помост.

Теперь он подошёл к ней ближе, но всё равно остановился на расстоянии, которое оставляло ей выбор. Не коснулся руки. Не предложил локоть. Не изобразил победителя, забравшего у врага драгоценную добычу.

Он повернулся к Совету.

— Я принимаю имя защитника.

Аврел стиснул посох так, что пальцы побелели.

— Лорд Эррел, вы понимаете ответственность?

— Лучше, чем те, кто пытался спрятать наследную искру под обручем гашения.

— Ваши обвинения будут рассмотрены отдельно.

— Надеюсь, при той же чаше.

Мортан резко произнёс:

— Она останется во дворце.

Нокс повернул к нему голову.

— Нет.

Пламя боковых чаш дрогнуло.

— Ты не вывезешь мою жену из моего дома, — сказал Мортан.

— Твоя жена только что назвала моё имя.

— Временным защитником, не владельцем.

— В отличие от тебя, я разницу понимаю.

На этот раз Мортан не сдержал дракона полностью. В его глазах вспыхнуло золото, по каменному полу прошла горячая трещина света, тут же погасшая под чарами зала. Гости отшатнулись. Сибилла испуганно прижала руку к груди. Аврел шагнул между мужчинами, но было видно: старейшина боится не столько драки, сколько того, что при свидетелях рухнет весь выстроенный порядок.

Яра вдруг поняла, что если сейчас не вмешается, мужчины снова превратят её выбор в свою войну.

— Хватит.

Она сказала это негромко, но чаша откликнулась. Свободное пламя поднялось за её спиной, и весь зал увидел, что знак наследника вспыхнул вместе с её голосом.

Мортан медленно повернулся к ней.

— Я уйду из этого зала, — сказала Яра. — Не беглянкой. Не пленницей. Не вещью, переданной от одного рода другому. Я уйду как женщина, чьё право признала чаша.

Аврел с трудом произнёс:

— Вы можете покинуть зал под защитой названного лица до рассветного пересмотра. Но земли Пепельного края...

— Признаны Советом безопасными в договоре прошлого года, — вмешался Нокс. — Подписанном рукой князя Дайра. Хотите, чтобы я напомнил печати?

Мортан молчал.

Яра посмотрела на него и поняла: да, договор существует. Да, Совет не может запретить ей уйти с Ноксом, не нарушив собственные правила при свидетелях.

Аврел тоже понял это.

— До рассветного пересмотра, — процедил он. — Не более.

— До рассвета многое успеет стать яснее, — сказал Нокс.

Он протянул Яре руку.

Не к запястью с печатью. Не к животу. Просто ладонь раскрылась перед ней — предложение, не требование.

Яра посмотрела на эту ладонь.

За один вечер она потеряла брак, иллюзии и место, которое пыталась заслужить три года. Получила ребёнка, о котором не знала. Врага, который говорил честнее мужа. И выбор, слишком хрупкий, слишком опасный, но всё-таки её собственный.

Она не взяла руку Нокса сразу.

Сначала повернулась к чаше, где рядом с пламенем лежали её браслет и княжеское кольцо. Она подошла к краю помоста, взяла браслет с гербом Дайров и бросила его обратно на металл чаши. Пусть остаётся там, где умерла ложь о почётном браке.

Кольцо она подняла.

Мортан следил за каждым движением.

Яра сжала чёрный камень в пальцах, потом положила кольцо перед Аврелом.

— Это сохраните для документов, старейшина. Вы ведь так любите оформлять чужую жизнь правильно.

Лицо Аврела стало серым от злости.

Яра развернулась и вложила руку в ладонь Нокса.

Его пальцы сомкнулись вокруг её руки не сразу. Сначала он дал ей миг отступить. Только когда она сама чуть сжала его ладонь, ответил — твёрдо, спокойно, без лишней нежности.

И странно: от этого прикосновения Яра не почувствовала себя присвоенной.

Она почувствовала, что всё ещё стоит.

Нокс повёл её к дверям. Стражи не двигались. Мортан бросил на них взгляд, и те напряглись, ожидая приказа. Яра ощутила, как ладонь Нокса стала крепче, но он не ускорился. Просто шёл рядом с ней, заставляя весь зал видеть: её не тащат, не уводят тайно, не выносят из дворца как неудобную тайну.

Она уходит сама.

У самых дверей Мортан всё же произнёс:

— Яра.

Она остановилась.

Не потому, что он приказал. Потому что хотела обернуться по своей воле и увидеть его лицо в тот миг, когда он наконец поймёт: прежняя Яра, ожидавшая у его закрытых дверей, осталась в зале вместе с браслетом.

Мортан стоял у чаши. Сибилла рядом с ним выглядела тенью, которую пламя не желало признавать. Старейшины за его спиной уже переговаривались, пытаясь собрать из осколков вечер, который вышел из-под их власти.

— Это не конец, — сказал Мортан.

Яра смотрела на него спокойно.

— Для нас — конец.

Он вздрогнул едва заметно.

Она добавила тише:

— Для ребёнка — начало. И я не позволю тебе сделать с ним то же, что ты сделал со мной: решить его судьбу без любви и назвать это долгом.

Мортан шагнул вперёд, но Нокс уже повернулся к стражам.

— Открыть двери.

Стражи не двинулись.

Тогда Нокс поднял свободную руку, и матовая полоса на его запястье вспыхнула пепельным светом. Не ярким, не золотым, не родовым огнём Дайров. Иным. Глухим, глубоким, как жар под слоем тёмного пепла. На створках дверей проявились древние линии договора — те самые, о которых он говорил. Знаки Пепельного края и Дайров сплелись на камне, признавая право прохода.

Один из стражей побледнел и отступил.

Двери начали открываться.

Холодный воздух коридора ворвался в зал, и Яра впервые за этот вечер смогла вдохнуть полной грудью.

Нокс не потянул её за собой. Он ждал.

Яра сделала первый шаг сама.

И уже за порогом слышала голос Аврела, сорвавшийся на резкую, почти испуганную ноту:

— Остановите их! Чаша показывает второй знак!

Яра обернулась.

Свободное пламя над родовой чашей взметнулось вновь. Внутри крыла, рядом с искрой наследника, проступила тёмная пепельная линия — тонкая, как чужая подпись на судьбе ещё не рождённого ребёнка.

Нокс резко застыл.

Мортан побледнел от такой ярости, что его лицо стало почти мёртвым.

А Сибилла, глядя на новый знак, прошептала так тихо, что Яра скорее прочла по её губам, чем слышала:

— Он не должен был выбрать Эррела.

Дом, где браки умирают

— Он не должен был выбрать Эррела.

Сибилла произнесла это почти беззвучно, но слова всё равно дошли до Яры — не через шум зала, не через чужие вскрики, а будто прямо по пепельной линии, вспыхнувшей рядом с искрой наследника. Тонкая тёмная черта в свободном пламени дрожала, жила, тянулась от крыла к краю огненного знака, словно чужая подпись легла поверх судьбы ребёнка раньше, чем Яра успела понять, что у неё вообще есть ребёнок.

Нокс застыл рядом.

Его ладонь, всё ещё державшая её руку, не сжалась сильнее. Он не дёрнул Яру к выходу, не заслонил собой чашу, не попытался сказать первым то, что могло спасти положение. Именно это молчание насторожило её больше любого объяснения. Нокс Эррел был человеком, который замечал всё слишк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.